

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-134-147>
<https://elibrary.ru/VFCWPQ>
УДК 821.111(73).0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Бенджамин ЛОКЕРД

Т.С. ЭЛИОТ И ЧУВСТВО ИСТОРИИ

Аннотация: Глубокий интерес Элиота ко взглядам на историю проявился рано и сохранялся на протяжении всей его жизни. В студенческие годы он познакомился с концепциями предьстории человечества, выдвинутыми ранними антропологами, такими как Эмиль Дюркгейм и Люсьен Леви-Брюль. Элиот учился у Джосайи Ройса и Джорджа Сантаяны, был знаком с историческими сочинениями своего дальнего родственника Генри Адамса. В статье также довольно подробно рассматривается отношение Элиота к «историкам-вигам» и историкам группы журнала *Criterion*. В качестве христианина Элиот стал рассматривать историю в русле библейских и церковных представлений. Он следовал за св. Августином, находился под сильным влиянием британского католического историка Кристофера Доусона и отвергал взгляды на историю как на прогресс или регресс, а также детерминистский подход в пользу веры в свободную волю, провидение и доктрину первородного греха. Взгляды Элиота бросают вызов светскому взгляду на историю, и ключевые термины, которыми он пользуется, основаны на его христианском видении: «историческое чувство», то есть осознание «традиции», которая передает из поколения в поколение Божественное Откровение и мудрость веков, с течением времени адаптируя их к различным временам и культурам, но сохраняя неизменными основные истины — «непреходящее».

Ключевые слова: Т.С. Элиот, история, взгляды на историю, христианство, *Criterion*, Кристофер Доусон, Т.Б. Маколей.

Информация об авторе: Бенджамин Локерд, заслуженный профессор английского языка и литературы колледжа свободных искусств и наук государственного Университета Грэнд-вэлли, 1 Кампус-драйв, В-4-232 Макинак-холл, г. Аллендейл, шт. Мичиган, 49401, США.

Для цитирования: Локерд Б. Т.С. Элиот и чувство истории // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 134–147.

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-134-147>.

Текст статьи на языке оригинала см.: http://litda.ru/images/americana/Lockerd_T.S._Eliot_and_the_Sense_of_History.pdf

Впервые опубликовано: *The Saint Austin Review* XX:1 (Jan/Feb 2020).

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-134-147>

<https://elibrary.ru/VFCWPQ>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Benjamin LOCKERD

T.S. ELIOT AND THE SENSE OF HISTORY

Abstract: Eliot's deep interest in ideas about history began early and continued throughout his life. In his student days, he encountered the concepts of human pre-history put forward by early anthropologists such as Emile Durkheim and Lucien Lévy-Bruhl. He studied under Josiah Royce and George Santayana, was aware of the historical writing of his distant relative Henry Adams. The paper also dwells at some length on Eliot's attitude to the "Whig historians" and the *Criterion*-group historians. As Eliot entered the Christian fold, his idea of history became that of the Bible and the Church. He followed St. Augustine, was deeply influenced by the British Catholic historian Christopher Dawson. As a Christian, Eliot rejected both progressive and regressive views of history as well as determinism in favor of a belief in free will, the doctrine of Original Sin and faith in Providence. Eliot's views involve a challenge to the secular view of history, and his key terms are based on his Christian vision: the "historical sense", in the meaning of awareness of "tradition", which carries the truths of Revelation and the wisdom of the ages forward in time, adapting them somewhat to various times and cultures but remaining faithful to the essential truths, the "permanent things."

Keywords: T.S. Eliot, history, historical views, Christianity, *Criterion*, Christopher Dawson, Th.B. Macaulay.

Information about the author: Benjamin Lockerd, Professor Emeritus of English, College of Liberal Arts and Sciences, Grand Valley State University, 1 Campus Drive B-4-232 Mackinac Hall, Allendale, Michigan 49401, USA.

For citation: Lockerd, Benjamin. "T.S. Eliot and the Sense of History." *Literature of the Americas*, no. 13 (2022): 134–147.
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-134-147>.

The English version of the article is available online at http://litda.ru/images/americana/Lockerd_T.S._Eliot_and_the_Sense_of_History.pdf

First published in: *The Saint Austin Review* XX:1 (Jan/Feb 2020).

Еще в юности Томас Стернз Элиот заинтересовался различными историческими концепциями и сохранял интерес к ним на протяжении всей жизни. В студенческие годы он познакомился с идеями предыстории человечества, сформулированными первыми антропологами, в частности Эмилем Дюркгеймом и Люсьеном Леви-Брюлем [Crawford 2015: 147]. Элиот учился у Джосайи Ройса, занятого разработкой собственной философии истории и философии религии, и у Джорджа Сантаяны, в 1905–1906 гг. опубликовавшего пятитомный труд «Жизнь разума: этапы человеческого развития» (*The Life of Reason: The Phases of Human Progress*) [Crawford 2015: 132]. Молодой Элиот был знаком и с историческими работами своего дальнего родственника Генри Адамса, издавшего монументальную «Историю Соединенных Штатов» (*History of the United States, 1801–1817*); позднее Элиот написал рецензию на его мемуары «Воспитание Генри Адамса» (*The Education of Henry Adams, 1907*)¹. Влияние этих и многих других мыслителей наложило отпечаток на понимание истории самим Элиотом, изложенное в статье «Традиция и индивидуальный талант» (*Tradition and the Individual Talent, 1919*), где он пишет, что зрелый поэт должен обладать «чувством истории». Уже после написания этого программного эссе, когда Элиот стал частью христианской общины, его концепция истории сблизилась с картиной, предлагаемой Библией и Церковью. Элиот был последователем святого Августина; огромное влияние на него оказал также британский католический историк Кристофер Доусон. Поэтому неудивительно, что взгляд зрелого Элиота на историю, нашедший отражение в «Четырех квартетах» (*Four Quartets*), по сути, католический. В своей краткой статье я попытаюсь обозначить некоторые проблемы и тексты, которые следует проанализировать, если мы хотим лучше понять историографию Элиота.

Что касается его религиозных убеждений, между ранними и поздними взглядами Элиота на историю общего больше, чем можно было бы подумать. Уже в 1919 г. Элиот рассматривает историю (по крайней мере, историю литературы и культуры) как непрерывную: современные авторы по-прежнему обращаются к традиционным истинам, выраженным в произведениях предшествующих эпох. Он косвенно вступает в спор с такими философами, как Леви-Брюль, полагавший, что первобытные люди мыслили совершенно иначе, чем их далекие потомки; Элиот же уверен, что даже «наскальные рисунки

¹ Eliot, T.S. "A Sceptical Patrician," *Athenaeum* 4647 (23 May 1919): 361–362.

первобытных художников в пещере Мадлен» не устарели, найдя продолжение в европейской традиции [Элиот 1996: 160]. Впоследствии он напишет:

Я говорил,
Что прошлый опыт, снова обретший смысл, —
Не только опыт одной жизни, но опыт
Поколений и поколений, не забывавших
Нечто, пожалуй, вовсе невыразимое —
Взгляд назад сквозь все уверенья
Исторической литературы, через плечо
Полувзгляд назад, в превозданный ужас.
(«Драй Селвэйджес», II, пер. А. Сергеева).

Если антрополог, например Джеймс Фрэзер, объясняет древние культы плодородия, чтобы развенчать их, Элиот в «Бесплодной земле» (*The Waste Land*) настаивает, что они и сегодня не утратили актуальности. «Мистическое соучастие» (в терминологии Леви-Брюля) первобытного мышления, по мнению Элиота, воплотилось в богословии таинств современной Англиканской (англокатолической) Церкви, где до сих пор совершаются некоторые древние обряды: «Господню кровь привыкли пить, / Привыкли есть Господню плоть» («Ист Коукер», IV, пер. А. Сергеева). Поэтому главный принцип присущего Элиоту чувства истории — преемственность.

Отчасти Элиот определяет свои взгляды на историю через отрицание — споря с конкретными историками и историографическими школами. Ему чуждо регрессивное понимание истории, представление, что человеческая культура всегда и везде стремится к упадку. Яркий пример такого подхода среди историков эпохи модерна — Освальд Шпенглер. Отвергает Элиот и противоположную точку зрения — взгляд на историю как прогресс, уверенность, что человеческое общество непрерывно совершенствуется. К этому направлению относится историческая философия Гегеля, равно как и его непрощеного преемника Маркса. К более поздним представителям этой школы принадлежит, например, Г.Дж. Уэллс. Странников взгляда на историю как регресс или прогресс объединяет детерминистский подход; есть некоторая ирония в том, что и Шпенглер, и Уэллс строят свои теории на биологических аналогиях. Элиот же, будучи христианином, отвергает детерминизм, потому что верит в свободу воли. Доктрине

прогрессивного оптимизма он противопоставляет учение о первородном грехе, а регрессивному пессимизму — веру в Провидение.

Поскольку Элиот и в самом деле часто сетует на деградацию современной культуры, логично было бы ожидать, что ему близка историческая концепция упадка, но это не так. Вот как он откликается, например, на выход нового французского издания под названием *Les Derniers Jours* («Последние дни»), которое редактор открывает словами “*Tout est foutu*”, что можно перевести как «всё испорчено, кончено, погребено, извращено»:

Но *The Criterion* не может безоговорочно согласиться с такой шпенглеровской точкой зрения, не может принять как аксиому, что *tout est foutu*. Полагать, что все изменилось, меняется и должно меняться под влиянием неподвластных человеку сил и что тот, кто думает о будущем, должен или способен лишь *приспосабливаться* к переменам, — неприемлемый фатализм. ... Раз уж нас называют «неоклассицистами», мы надеемся, что «неоклассицизму» дозволено считать человека ответственным — морально ответственным — за свое настоящее и за ближайшее будущее [Eliot CP III: 100].

Элиот, по-видимому, сочувственно отнесся к тезисам своего французского коллеги, но не мог принять «фатализма» его утверждений, решительно отвергая подобное «шпенглеровство». По мнению Элиота, историю человечества надлежит рассматривать как коллективные действия морально ответственных личностей, наделенных свободой воли и способностью к самостоятельным поступкам. Они часто ошибаются, но порой поступают правильно.

«Закат Европы» Освальда Шпенглера казался таким пророческим потому, что вышел как раз к концу Первой мировой войны, хотя большей частью был написан до нее. В рецензии, опубликованной на страницах журнала *The Criterion*, Г.Дж. Мэссингем так излагает содержание этой книги:

Концепция доктора Шпенглера — необычайный гибрид метафизики и морфологии. Автор трактует мировую историю как ряд обособленных жизненных циклов, каждый из которых уникален, но проходит одни и те же этапы развития. ...Любая культура переживает четыре времени года, двигаясь от расцвета к упадку. ... Лиса и выдра — весьма несхожие животные, выполняющие разные функции каждое

в своей среде обитания. Но их тела состоят из одних и тех же частей, и их жизненный цикл устроен одинаково — от рождения к смерти. То же справедливо и по отношению к человеческим культурам².

Параллели с животным миром играют ключевую роль в теории Шпенглера, и он сам неоднократно употребляет биологический термин «морфология». Мэссингем заявляет, что «шпенглеризм не выдерживает исторической критики, потому что доводит до крайности попытку выстроить картину мировой истории на ложных аналогиях между биологическими циклами и движением идей, между механизмами растительной жизни и событиями истории человечества». Мэссингем апеллирует к «историческим истинам»; как и Элиот, он подчеркивает, что человек обладает свободой воли и именно она — главный двигатель исторических изменений: «Можно поручиться, что взгляд на мировую историю, игнорирующий эти истины как отражения и последствия человеческих действий, а тем более человеческих мыслей и эмоций, стоящих за этими действиями, никогда не прольет на нее подлинного света».

Макс Рихнер в колонке «Германские хроники» (*German Chronicle*) для журнала *The Criterion* рассуждает о склонности немецких мыслителей, перешагнувших порог тридцатилетия, видеть повсюду кризис:

Так повелось еще с конца войны, когда формула, содержавшаяся в “Закате Европы” и, как считалось, имевшая под собой объективные основания, наиболее ярко выражала отношение немцев к жизни. ... Культурный пессимизм Шпенглера свидетельствует об утрате веры в культуру. ... Шпенглеровская биология истории ... изложена с точки зрения смерти»³.

Рихнер отмечает и исторический оптимизм марксистов, для которых «ход истории имеет лишь один смысл — приближение к золотому веку». Как и Элиот, он замечает, что эти детерминистские теории не учитывают одного — способности человека действовать, а родились они «из бессознательного желания обличить несовершенство

---

² Massingham, H.J. “Review of *The Decline of the West: Perspectives of World History*, by Oswald Spengler.” *Criterion* 9: 37 (July, 1930): 731–732.

³ Rychner, Max. “German Chronicle.” *Criterion* 11: 45 (July, 1932): 705.

подлинно человеческих поступков, сути и слагаемых исторического процесса». Детерминистские теории, будь то концепции прогресса или упадка, сбрасывают со счетов свободу воли и устремления духа.

В рецензии на другую книгу Шпенглера, написанной для *The Criterion*, Джеффри Тэнди цитирует его слова:

Перед лицом такой судьбы возможно лишь одно достойное нас мировоззрение ... лучше короткая жизнь, исполненная подвигов и славы, чем долгая, но не приносящая удовлетворения. [...] Склонность к каким бы то ни было иллюзиям прискорбна. ... Только мечтатели думают, что есть выход. Оптимизм — это *трусость*⁴.

Рецензент опять же откликается с религиозных позиций: «Думаю, ответ на терзающий Шпенглера вопрос — Голгофа».

В предисловии к книге Эдгара Моурера Элиот пишет: «Чтение Шпенглера, очевидно, оказало влияние на мистера Моурера, но он человек, мыслящий слишком здраво, чтобы избрать для себя как пессимистический детерминизм Шпенглера, так и оптимистический детерминизм Уэллса и Шоу» [Eliot CP III: 492]. Обратимся же теперь к упомянутому оптимистическому детерминизму.

Еще до историков-прогрессистов уэллсовского типа существовали «историки-виги», видевшие в «Славной революции» 1688 г. (закончившейся свержением Стюартов и коронацией Вильгельма Оранского и Марии II) решающее событие, благодаря которому Англия пошла по пути современной конституционной демократии. Эту школу либеральной историографии раскритиковал в книге «История в трактовке вигов» (*The Whig Interpretation of History*, 1931) Герберт Баттерфилд. Кеннет Пиктхорн, написавший для *The Criterion* благожелательную рецензию на эту книгу, размышляет:

Что это, как не вигизм в исторической науке — настойчиво объяснять ход переживаемых человечеством событий непреодолимыми произвольными силами, приводящими их в движение, выходящими за рамки природы и не поддающимися определению? Хотя речь идет о сверхъестественных силах, историк — человек — считает себя достаточно сведущим, чтобы покровительствовать им и оценивать

⁴ Tandy, Geoffrey. "Review of *Man and Technics: A Contribution to a Philosophy of Life*, by Oswald Spengler, translated by C.F. Atkinson." *Criterion* 12: 46 (October, 1932): 162.

их, ибо исходит из предположения, что все их напряжение и старание направлены на то, чтобы произвести его на свет. Поэтому он впадает в догматический клерикализм, тем более деспотический, что его пред-
рассудки легкомысленны, и тем более отталкивающий, что его нельзя оправдать служением божеству⁵.

Опять же едва ли стоит удивляться, что историки из *The Criterion* критикуют такой взгляд на детерминизм за то, что история Англии в нем движима «непреодолимыми произвольными силами» и телеологична, но ее цель, «телос», не Царство Божие, а триумф современного историка.

Ведущим представителем «историков-вигов» был Томас Бабингтон Маколей, в своей «Истории Англии от восшествия на престол Якова II» (*History of England from the Accession of James II*), изданной в середине XIX в., рассматривающий «Славную революцию» как шаг к парламентской реформе 1832 г. и великим достижениям Викторианской эпохи. Элиот, естественно, критикует столь антитрадиционалистский подход. В рецензии на биографию герцога Мальборо, написанную Уинстоном Черчиллем, он пишет: «Мне очень хочется верить, что мистер Уинстон Черчилль — историк более добросовестный, нежели Маколей...» [Eliot CP V: 3]. В другом месте Элиот заявляет, что «стиль Маколей — стиль XVIII века с примесью журналистских преувеличений и театральных эмоций ... остатки изящного стиля в руках литературного демагога» [Eliot CP II: 448]. Это лишь колкости; написать более развернутый критический отзыв о Маколее для журнала *The Criterion* Элиот предоставляет Бонами Добре. Добре начинает с сомнительного комплимента Маколею:

Прямо-таки до смешного рискованно читать Маколей, если вы хотите в подробностях узнать факты: вас почти наверняка введут в заблуждение. ... Вам докажут, что Вильгельм II — почти святой, насколько это возможно для монарха, зато Яков II — большой дьявол, чем сам Сатана. Вас уверят, что до страны Утопии рукой подать, если ехать по вигской дороге, что все тори — сущие разбойники ... вам расскажут, что “история Англии есть по преимуществу история прогресса”, в общем, что всё к лучшему в этой лучшей из историй.

---

⁵ Pickthorn, Kenneth. “Review of *The Whig Interpretation of History*, by H. Butterfield.” *Criterion* 11: 44 (April, 1932): 545.

И все же никакие предостережения нас не остановят: мы будем читать Маколея, и он увлечет, даже очарует нас⁶.

Рецензент признает талант Маколея-прозаика (что видно даже в замечаниях Элиота, критикующего его стиль), но высмеивает схематичный прогрессизм его взгляда на историю. В заключение Добре пишет, чего недостает этому повествованию о прогрессе:

Пребывая в убеждении, что всё к лучшему, он, по-видимому, никогда не задумывался, не слишком ли высокую цену пришлось заплатить за некоторые блага, принесенные временем его Англии, и ему точно не приходило в голову, что долг, может быть, продолжает расти. Несомненно, революция должна была произойти, сокрушаться об этом сегодня нелепо, но рана, нанесенная нарушением преемственности, так и не зажила⁷.

Традиционалиста волнует именно «нарушение преемственности», вызванное даже самой бескровной и славной революцией. В обществе возобладал именно прогрессистский взгляд на историю, и ответственность за этот неоднозначный сдвиг в значительной мере нес Маколей. Чарльз Смит, еще один автор *The Criterion*, замечает: «Пусть это прозвучит слишком цинично, но главная услуга, которую Маколей оказал своей музе, заключалась в том, что он написал историю, побившую все рекорды популярности. Он писал для читателей и был вознагражден их неслыханным количеством»⁸.

Герберт Джордж Уэллс — более поздний представитель прогрессистского направления в историографии, и его «Очерки истории цивилизации» (*Outline of History*), опубликованные в 1920 г., возможно, даже превзошли по популярности книгу Маколея. (Об Уэллсе я уже писал ранее, но выход сборника прозы Элиота дал мне некоторые дополнительные сведения.) В 1935 г. Элиот пишет: «Думаю, распространением веры в будущее в той грубой форме, в какой она у нас прижилась, мы во многом обязаны мистеру Г.Дж. Уэллсу. Его примитивная философия обладает огромным влиянием» [Eliot CP V:

⁶ Dobrée, Bonamy. “Macaulay.” *Criterion* 12: 49 (July, 1933): 593.

⁷ Ibid.: 604.

⁸ Smyth, Charles. “Review of *A Commentary on Macaulay’s History of England*, by Sir Charles Firth.” *Criterion* 18: 70 (October, 1938): 105.

196]. Эти слова можно воспринимать как комментарий к следующим строкам из поэмы «Драй Селвэйджес»:

С годами старенья кажется,
Что прошлое приобретает иные черты
И уже не просто чередование событий
Или саморазвие — идея, рожденная
Наивными взглядами на эволюцию,
Которые служат обычным средством
Навсегда отречься от прошлого.

(Пер. А. Сергеева)

Я уже высказывал предположение, что, читая этот фрагмент, следует иметь в виду историю в интерпретации Уэллса, поскольку Элиот подчеркивает, что Уэллс способствовал популяризации взгляда, направленного в будущее, покориw множество читателей «примитивной философией» истории, основанной на идее эволюции⁹. Элиот продолжает: «Я возражаю против смещения ценностей», — и это смещение сродни тому, что Добре называет «нарушением преемственности» после революции XVII в., которой расточает похвалы Маколей. (Это выражение напоминает и о «распаде восприимчивости», возобладавшем, по мысли Элиота, именно в XVII столетии.) Элиот поспешно оговаривается, что, конечно, думать о будущем надо, но вместе с тем:

Важно, чтобы мы не теряли уважения к себе и помнили, что каждый из нас как человек не менее ценен, чем люди будущего. Мистер Уэллс проповедует странное ложное смирение эволюционизма: для людей будущего, говорит он в конечном счете, мы то же, что для нас человекообразные обезьяны, и как мы смотрим на своих предков из животного мира, будь то обезьяны, лемуры или опоссумы, так и эти новые люди будут смотреть на нас. Что ж, это вполне логичный

---

⁹ См.: “‘A People without History’: Eliot’s Critique of Evolutionary History” [Eliot 2015: 188–203]. Уэллс также подвергся язвительным нападкам со стороны Хилэра Беллока и юмористической (но уничтожающей) критике Гилберта Кита Честертона. Элиот вступает в полемику обзором замечаний Беллока и ответа Уэллса, заключая: «У мистера Уэллса не исторический ум; он обладает поразительным даром исторического воображения, сопоставимого с воображением Карлейля, но оно имеет мало общего с пониманием истории. Последнее требует некоторой культуры, воспитания и зрелости, которых мистер Уэллс лишен».

вывод из наивной веры в непрерывную эволюцию, подкрепленной отрицанием четкой границы между человеком и животным — иными словами, отрицанием человеческой души [Eliot CP V: 196–197].

Современные люди, полусознательно усвоившие веру в прогресс, предстают, если воспользоваться выражением из поэмы «Литтл Гиддинг», как «народ без истории»¹⁰, ведь в схеме биологической эволюции, приложенной Уэллсом к человеческой истории, прошлое растворяется в миазмах заблуждений и предрассудков — существует лишь будущее. Более того, научный материализм Уэллса отрицает и какую бы то ни было духовную реальность; отрицает он и существование какой-либо неизменной человеческой природы или незыблемого естественного закона для человеческого общества. Поэтому биологический детерминизм служит, чтобы оправдать полный разрыв с мудростью прошлого, с чувством истории, суть которого состоит в осознании традиции. В ответ на оду нескончаемым переменам, которую поют сторонники теории прогресса, Элиот заявляет, что «мы должны противопоставить преходящему — вечное»:

Мы, безусловно, подошли к концу эпохи, нас угнетает ощущение обветшания и упадка, нас снедает страх перед грядущими переменами, ведь они неизбежны. И коль скоро нам необходимо занять ум мыслью о будущем, мыслью, которая завтра, возможно, будет определять наши действия, сознание же наше встревожено тем, что мы наблюдаем вокруг себя и в себе самих, тем более важно сохранять рассудок, держаться нашей шкалы ценностей; тем более важно не отступать от того, что есть и останется миром, не ведающим конца [Eliot CP V: 197].

Христианская гуманистическая историография утверждает, что есть вещи — причем речь идет о самом важном, — не меняющиеся со временем. Именно их Элиот в другом месте называет «вещами постоянными».

Попытавшись дать элиотовскому чувству истории негативное определение, — противопоставив его идеям, которых Элиот не принимал, — в заключение попробую вкратце определить его историографию позитивно. Элиот исходит из понимания, что христианство, как и иудаизм, — религия *историческая*. В Библии изложена линейная

¹⁰ Пер. А. Сергеева.

история человечества: от сотворения мира к откровениям, явленным Аврааму, Моисею и пророкам и далее к главному для христиан историческому событию — вочеловечению Христа, к апокалипсису и концу времен. Наиболее полно христианский взгляд на историю изложен Блаженным Августином в сочинении «О граде Божьем»: Августин пишет о непрекращающемся противостоянии Града Земного, где людьми движут личные интересы, и Града Божьего, где ими движет любовь к Богу и любовь к ближнему. Разумеется, ни один человек не принадлежит всецело одному из этих городов: меняющееся соотношение сил между ними и составляет историю. Церковь играет в истории ключевую роль — как пишет Кристофер Доусон в статье об Августине, «разумеется, Церковь не вечный Град Божий, но через нее он действует и явлен в этом мире»¹¹.

Несомненно, Доусон — историк, лучше всего выразивший взгляд на историю, разделяемый Элиотом, и этот взгляд он кратко излагает в эссе «Царство Божие и история» (1938), начинающееся фразой, хорошо знакомой нам по самому известному эссе Элиота: «Развитие чувства истории — отчетливого понимания, что разным эпохам и цивилизациям присущи свои характерные черты, — сравнительно недавнее достижение; оно едва ли существовало до XIX века». (Удивительно, но Доусон называет его «следствием романтизма».) Но несмотря на то что чувство истории сформировалось не так давно, его корни, уверен Доусон, следует искать в христианстве:

Прежде всего именно благодаря христианству человек впервые обрел ощущение цельности и цели истории, без которого зрелище бесконечных изменений лишается смысла и действует угнетающе. ... Как сказал святой Августин, только Христос — прямой путь, способный спасти нас от кошмара вечных повторений, странным образом притягательных для человеческого разума во все эпохи и в любой стране¹².

Однако здесь присутствует и еще один важный фактор, ведь чувство истории «многим обязано и гуманизму, научившему европейцев изучать достижения древней цивилизации и ценить человеческую природу ради нее самой» [DWH 2002: 285]. Историография Доусона (и Элиота) — это историография христианского гуманизма. Или, по-

---

¹¹ Dawson, Christopher. “St. Augustine and the City of God” [DWH 2002: 335].

¹² Dawson, Christopher. “The Kingdom of God and History” [DWH 2002: 284–85].

жалуй, следует сказать — католического гуманизма, потому что оба относились к Реформации как к прискорбному разрыву. Доусон пишет:

Если христианство — религия вочеловечения и если христианское понимание истории зависит от непрерывности и продолжения Воплощения в жизни Церкви, католицизм отличается от других ветвей христианства тем, что принцип воплощения в нем выражен в более полной, более конкретной, более органичной форме... вера католика в Церковь есть вера в реальное общество, живущее в истории, а не в незримое общение святых [DWH 2002: 297].

Доусон ясно дает понять, что Церковь несовершенна, она не Град Божий, а хранительница священной традиции. Он резюмирует:

Осознание, что через эту традицию в мире действует Святой Дух и что она — живое свидетельство непостижимого присутствия Бога в судьбах человечества, играет важнейшую роль в понимании и трактовке католиками истории. Но столь серьезное заявление бросает вызов всему светскому видению истории, которое в современном мире вот-вот превратится в религию [DWH 2002: 298].

Здесь мы снова слышим ключевые для Элиота понятия: «чувство истории» — это осознание «традиции», которая несет истины Откровения и мудрость веков сквозь время, в какой-то мере приспособливая их к разным эпохам и культурам, но оставаясь верной извечным истинам, «вещам постоянным»¹³. С позиций детерминизма «история может быть рабством». Но с христианской точки зрения, «история может быть освобождением» («Литтл Гиддинг», III, пер. А. Сергеева).

В заключение процитирую отрывок из рецензии, написанной Элиотом в 1917 г. на книгу своего уважаемого оксфордского профессора Робина Джорджа Коллингвуда, утверждавшего, что религия и философия, в сущности, одно и то же:

Мистер Коллингвуд справедливо заметил, что история и философия взаимозависимы. Но философия зависит от хода истории в целом, а не от конкретных особенно примечательных и уникальных фактов, а свобода ее интерпретации ограничена обязательством не отбрасывать никаких деталей. Религия же, по крайней мере христиан-

¹³ Eliot, T.S. *The Idea of a Christian Society*. Faber: London, 1939: 97.

ская религия, зависит от одного важного факта. Философия, если она на это способна, может разъяснить смысл утверждения, что Иисус — Сын Божий. Но христианство — подлинное христианство — обязано исходить из уникальной предпосылки: Иисус родился от девы. У каждого слова в этом тезисе, истинный он или ложный, совершенно определенное значение [Eliot CP I: 556].

Как несколько десятилетий спустя Элиот написал в стихах: «Намек полуразгаданный, дар полупонятый есть Воплощение». Этот дар преображает не только конкретный, а каждый момент, так что любое время и место обретает глубинный смысл, становясь «точкой пересечения времени / И вневременного» («Драй Сэлвейджез», V, пер. А. Сергеева).

Перевод с англ. Т.А. Пурусской

ЛИТЕРАТУРА

Элиот 1996 — *Элиот Т.С.* Назначение поэзии. Статьи о литературе. Киев: AirLand, 1996.

REFERENCES

Crawford 2015 — Crawford, Robert. *Young Eliot*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2015.

DWH 2002 — *Dynamics of World History*. Edited by John J. Mulloy. Wilmington, DE: ISI Books, 2002.

Eliot 1996 — Eliot, T.S. *Naznacheniiie Poezii. Statii o literature [Purpose of Poetry. Essays on Literature]*. Kiev: AirLand Publ., 1996. (In Russ.)

Eliot CP — Eliot, T.S. *The Complete Prose of T.S. Eliot*, edited by Ronald Schuchard, et al., 8 vols. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2014–2019.

Eliot 2015 — *T.S. Eliot, France, and the Mind of Europe*. Edited by Jayme Stayer. Newcastle: Cambridge Scholars, 2015.

© 2022, Б. Локерд

Дата поступления в редакцию: 10.09.2022

Дата одобрения рецензентами: 25.10.2022

Дата публикации: 25.12.2022

© 2022, Benjamin Lockerd

Received: 10 Sept. 2022

Approved after reviewing: 25 Oct. 2022

Date of publication: 25 Dec. 2022